

Любимовка – родовая усадьба К.С. Станиславского. Здесь завершились их с В.И. Немировичем-Данченко переговоры о создании Московского художественного театра. Удил рыбу и писал свой «Вишнёвый сад» А.П. Чехов. А в конце XIX – начале XXI века ежегодно проводился фестиваль российской молодой драматургии.

Маленькая пьеса для двоих и почти цыганского хора.

Занавес.

А нет занавеса. Всё сценическое пространство...

Ну, это что подразумевать под сценой. Скажем, она представляет собой... Или лучше так: сцену представляет собой...

Берег реки. Не широкой, не стремительной. Так, речки вроде подмосковной Клязьмы.

Это видится как бы с другого берега: угасающий в сумерках костёр на полянке, тропинка полого сбегает к воде, к крошечной заводи под сенью большого старого дерева. На «тарзанке», привязанной к толстой скрипучей ветви, взлетает – вперёд, назад, вперёд, назад – летних тонов женское платье.

Если так глядеть, река оказывается на месте оркестровой ямы (кто-то скажет: калька; другой заметит: традиция). Оттуда и доносятся звуки: плеск воды, два голоса – мужской и женский. «Люби, люби, Любимовка!» – кричит он в пространство. «Люби, люби!..» – подхватывает она.

Последний дымок от костра летит через луг и остатки сада, к Господскому дому в два этажа с ярко освещёнными окнами на первом...

Нет. Лучше сразу гостиная, полная людей, молодых и постарше (сплошь именитых). Сидят и стоят вокруг рояля. Белая скатерть укрывает часть зеркально-чёрной поверхности. Сыр, маслины, спирт в картонных стаканчиках. Музыкант, в белом, конечно, жилете, ударяет по клавишам. «Люби, люби, Любимовка!..» – запевают хором.

Незаметно для всех появляется Она, в цветастом своём платье. Смотрит безотрывно на музыканта.

Он, следом, в прилипшей к мокрому телу джинсовке...

Или – тёмная веранда с дверью, открытой на крыльцо, в сад. Ветви снаружи прикасаются к стёклам, на мгновенья проглядывает огонёк далёкого костра.

Хор доносится из глубины дома.

Он подходит к бильярдному столу, берёт кий и, не целясь, сильно бьёт по шарам – один падает, катится по полу. Она (незаметно зашла с крыльца) хлопает в ладоши...

На самом деле всё происходит за большим чайным столом. Фарфоровый сервиз, хрустальные стаканчики нарочно привезены хозяйкой из столицы. Бутылку джина Beefeater пожаловал кто-то из именитых (в ближайших селениях такой не сыщешь).

Царственная хозяйка. Блистательные гости.

Она оживлена, весело смеётся шуткам небожителей. Он сначала робеет в такой компании. Но потом решается – и говорит, обращаясь, впрочем, только к ней...

А то – у печальных руин, что неподалёку. Среди засохших старых вишен, где по ночам бродят Великие Тени...

Не станем о тенях. О них довольно уж сказано.

Может быть, вовсе на пылкой дискуссии? На залитой солнцем поляне, по прочтении сумрачной «новой драмы»? Он нападает на автора? Она защищает?..

Значит, всё-таки, берег. Ночь, звёзды на небе. Та же публика – вокруг костра. Картонные стаканчики, маслины в жестяных банках.

Пламя кувырывается на обугленных ветках, бросая блики на гитарную деку. Он привычно укладывает гитару себе на колени и, словно не замечая её пронзительного взгляда, проводит по струнам. «Люби, люби, Любимовка...» – затягивает почти что цыганский хор...

Но отчего же – не театр? Отчего не настоящий театр, с занавесом, сценой, кулисами? С вешалкой, фойе и буфетом? Со своим, ах как манящим, закулисьем?

Да коли не театр, так хотя бы старый деревянный павильон...

Старый деревянный павильон, разделённый на два неравных пространства ажурным порталом с подвешенными наверху софитами.

По металлическим сплетениям, часто во время представления, лазает, переигрывая артистов, маленький сорванец, внук здешней поварахи. Главное, не обращать внимания, не ахать. Тогда он точно не сорвётся, спустится тихонько в зал, притулится под боком пожилой критикессы.

Софиты на портале никогда не светят, находятся здесь, скорее, для антуража. Не беда: днём нет нужды, а вечером так славно играется при свечах.

О н. Вы любите театр?

Вы любите театр, как я... его ненавижу?

Умереть. Потом встать, переодеться, пойти варить себе суп.

Самому кого-то уюкошить. Отмыв рожу, спокойно есть свой суп.

Или нет, обедать, только обедать...

Зачем умирать, если полно сил? Зачем убивать, если не кровожаден? Зачем обещать, когда не голоден... Только потому, что кто-то вывел это на бумаге?

А финал, пошлость-то какая, финал всегда – один. И победитель, наиглавнейший над всеми победитель, заранее известен... Он рядом. Он всегда наготове. К чему тогда все перипетии?

К чему нищие фигляры с апломбом настоящих грандов? Молодые актёрки? Старые и новые декорации? Песенки хором и соло? Прорва исписанных страниц?

Для того только, чтобы хоть на минуту поверить, будто не всё ещё решено? Будто можно – переиграть? Вот же, убит, а выходит на поклон...

О н а. Устала... Устала играть эту бездарную роль. Рядиться в никчемное тряпье. Менять лица из подборки... Играть работу, изображать быт – барахтаясь всё в том же прокисшем сюжете.

Любит, не любит. Разлюбит, не разлюбит. Бросит, вернётся. Уйти, остаться. Аборт от любимого, дети от нелюбимых...

Надоело. Опостылело. До тошноты, до тяжести в затылке...

Но верую: настанет вечер – я сброшу тряпье и личину. Я перестану играть и выйду к вам такая, как есть. Со своим лицом, с настоящим моим телом. Я проживу перед вами свою подлинную, короткую, как вздох, жизнь. И умру от любви. Здесь, на сцене, где только и случается умереть от любви.

Тут возможны «браво!», овация. Или, наоборот, чуть слышное в тишине дыхание зала...

Однако светает. Стукнула крышка рояля, звякнули-отозвались фарфоровые чашки. Подбросив последнюю горстку искр, погас костёр. Публика разбредается.

О н:

– Сколько лет прошло... Знаешь, я ничего не забыл.

О н а (*показывает на дисплее телефона*):

– Мой сын.

О н (*после паузы*):

– Почему не дала знать? Хотя бы – эсэмэска...

О н а:

– Ты бы не поверил. Что зачатые может случиться во время спектакля.

Звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

О н а:

– А гитара, поди, чужая.

О н:

– Откуда ты всё... Правда. Как теперь отдавать?

Тихо, почти неслышно, вступает хор...

Занавес

**Благодарной памяти
Инны Громовой,
Михаила Рощина,
Алексея Казанцева,
Виктора Славкина,
Марии Медведевой,
Юрия Рыбакова,
Владимира Гуркина,
Елены Греминой,
Михаила Угарова...**

**И девушки
по имени Нина**